Жестокая ирония ситуации была в том, что, даже надавив на одно из самых больных моих мест, тварь не могла меня сломить. То, что уже сломано, нельзя сломать. Слишком много раз я умирал, слишком много дерьма видел и чувствовал на собственной шкуре. Я смеялся (тихо), пытался кричать (тихо), противостоял странной силе, сковавшей меня от и до, возможно, плакал (тихо). Ничего особенного, просто естественная реакция психики, и чёрт с тем, что покорёженной.

В какой-то момент я полностью успокоился. Накатило что-то среднее между опустошением и любопытством: а что ублюдок будет делать дальше? Что ещё сможет почувствовать во мне, что ещё спроецирует и за что зацепится?

Уже с ничего не выражающим лицом продолжил смотреть, как актёр, раз за разом пародируя меня, рвёт свои художества. Вся сцена давно была заполнена порванной бумагой.

— И всё?

Шепот, донесшийся из моего рта, оказался удивительно громким. Следует сказать спасибо изначально высокому голосу и гробовой тишине в зале.

Казалось, для твари это стало чем-то вроде сигнала. Пародирующий меня актёр безумным взглядом уставился на меня, после чего истерично захихикал, схватившись за голову. Стоило признать, я словно видел своё отражение, впавшее в припадок: бегающий взгляд, неконтролируемая тряска, буквально сочащиеся из актёра отчаяние, безнадёга и ужас, смешанные с принятием и нежеланием принять.

На сцену неожиданно вышло новое действующее лицо. С опустошенным взглядом и кистью в руке, он, игнорируя другого актёра, сел на его место и продолжил пытаться написать какую-то картину. Пытался написать, но — лишь рисовал. Рисовал какое-то убожество, что-то, что ему, как и прошлому актёру, не понравилось.

Я усмехнулся краешком губ.

Разница между «написать» и «нарисовать» была огромной.

Всё повторилось вновь. Вновь актёр начал рвать неудачные каракули, вновь была попытка что-то написать. Вновь и вновь, вновь и вновь...

Бумага и не планировала заканчиваться. Это был театр абсурда. Безумие второго неудачливого актёра прогрессировало. Настолько, что это заметил и первый актёр, с ненавистью уставившись на второго. Что-то нечленораздельно прокричав, он набросился на него и началась настоящая потасовка двух конченных психов. Скажем так, характерные черты самого себя так и прорывались.

Это было уже совсем не похоже на актёрскую игру: они что есть силы избивали друг друга, пинались, рвали волосы и выбивали друг другу зубы. Пока же это происходило...

На сцену вышел третий актёр, принявшись за остальными пытаться воплотить какую-то картину.

И всё вновь повторилось. Сцена начала наполняться людьми. Совсем скоро — первыми трупами. Но это ничего не меняло, порванной бумаги становилось всё больше, как и актёров, до самых краев заполнявших сцену. Всё больше крови, всё больше нечленораздельных криков, стонов и завываний. В какой-то момент я понял, что среди «актёров» стали появляться люди,

до этого сидевшие среди зрителей. Такими темпами, не останется никого.

Всё больше разрушения и разложения.

— И что ты хочешь этим мне сказать, уродец? — прошептал едва слышно я.

Мне ответили.

«...круговорот можно остановить...»

На сцене, среди толпы дерущихся актёров, возникла тварь. Серокожий, высокий, безликий, многорукий, с крыльями за спиной. Ублюдок горбатился. Он находился одновременно на сцене и при этом воплощал сам театр. Полуматериальные твари — самые, сука, отвратительные.

Всеми фибрами своей души я ощутил, как он сочувствовал мне. Как искренне хочет протянуть руку помощи. Никогда и ни от кого я не чувствовал столько искренности и желания спасти мою пропадающую душу.

Нет. Даже не душу. Осколок.

— Какой добрый, — оскалился я. — Не думаешь только, что люди вокруг тебя думают иначе, уродец?

«...они счастливы...»

Ответ меня удивил. И ежу было ясно, что счастливым здесь мог быть разве что Чарльз, которому сейчас снились какие-то сны. Правда, зная специфику мира, не удивлюсь, если и ему сейчас какие-то кошмары мерещились. К счастью, Кукольный Ангел оказался довольно понятливым и милосердно решил пояснить ситуацию.

Как оказалось, счастливый сон был не только у стилиаги.

Оказавшись рядом со мной, нависшая тварь положила руку на мою голову, развеяв иллюзию взрослого человека, после чего мир для меня закрутился. От того, что я увидел, мои глаза расширились. Старый аварийный театр, в котором спали люди, обратился в солнечный пляж. Яркий, тёплый, с приятным убаюкивающим ветерком. Мечта. Моя личная.

Все спящие люди оказались на пляже. Кто-то купался, кто-то отдыхал, загораю в лучах солнца. Группу жертв, которым пришлось сыграть меня, было найти несложно: они играли в волейбол, весело смеясь, не имея ни малейшего представления о том, что происходит снаружи. Здесь были даже мертвецы.

Ублюдок имел власть над душами, не давая им после смерти уйти.

— У каждого свой Рай, Феликс, и каждый его заслуживает. Даже Атлант.

Рядом со мной оказался дедушка в рясе. С классической белой бородой, седыми длинными волосами и добрыми серыми глазами. Понимающими, успокаивающими, взгляд существа не вызывал вообще никаких негативных эмоций, а лишь теплоту и спокойствие. Он не желал мне зла, как и не желал зла кому-либо ещё.

Лишь бесконечное желание помочь, защитить, уберечь от всего ужаса внешнего мира и принести счастье. Вечное и непрекращающееся.

Педофил, что ли?..

— Ты лишь делаешь вид, что понимаешь меня, — спокойно ответил я, подняв взгляд на тёплое солнце. — Чувствуешь мои эмоции, улавливаешь мои мысли и отголоски желаний. Но всё это слишком поверхностно. Мне ли не знать.

— Никто не может в полной мере понять творчество Художника, — как само собой разумеющееся ответило существо, тепло улыбнувшись мне. — Но его маленькую частичку — можно попробовать.

Удивительное отношение. Словно фанат, встретившийся если не со своим кумиром, то с его сыном.

Я хмыкнул, осторожно проведя рукой по пространству, совсем не удивившись лёгким волнам, распространившимся по нему. Все самые страшные и могущественные ублюдки здесь могли происходить только из океана. Плана, что поглощает и обращает все остальные.

Места, исполняющего любые, даже самые смелые и невозможные желания.

— Твоим желанием было нести счастье и безопасность остальным, хотят они того или нет.

— Люди так невежественны, — печально вздохнул пожилой мужчина, действительно скорбя от этого. — Они сами не могут понять, чего хотят и что может сделать их счастливыми. Моим желанием было направить души и подарить им вечное счастье. Я счастлив, что могу нести счастье.

На лицо мужчины вылезла тёплая улыбка.

И вновь я хмыкнул.

Безусловно, одними из самых опасных тварей в океане были, есть и будут люди. Чем человечество действительно может похвастаться перед остальными расами в проклятой вселенной, так это мышлением. Передо мной был эгоистичный самовлюбленный овощ, который решил, что он лучше знает, как сделать счастливыми других, и это лишь для того, чтобы самому получить заряд удовольствия. Уже представляю себе неудачника, каким оно было до того, как океан поглотил его сущность.

Хотя, оно им и осталось, черти его драли.

Как хорошо, что океан ещё не полностью поглотил мир снов, иначе мне страшно представлять, что из себя представлял бы Пит. С другой стороны, все мы уже давно тем или иным образом поражены океаном. Кто-то лишь больше.

Мы какое-то время молчали, наслаждаясь фальшивым Раем. У каждого он был свой, но в этом месте коллективное счастье переплеталось, образуя окружающую действительность. Я крайне надеялся, что моё физическое тело сейчас там не участвовало ни в каких оргиях и расчленениях.

Понимая, что лучшей возможности уже не будет, я решил вновь наивно попытать удачу, пусть уже и знал, что услышу.

Или, правильнее сказать, не услышу.

— Ты знаешь, кто я?

— Любой, кто достаточно погрузился в свои желания, слышал про Художника. Безумного Художника, что...

Я поморщился, схватившись за голову. Шепот голосов моих друзей вмиг стал безумно громким. Голос же Кукольного Ангела совсем исчез, не давая мне возможности узнать что-либо ещё.

— Несчастный Художник, — скорбно констатировал Кукольный Ангел. — Ты так и не смог написать Совершенство. Для меня честь подарить частице Атланта счастье и покой. Тебе нужно лишь расслабиться и уснуть, Феликс. Я обещаю, что это будет последний раз, когда ты испытаешь боль.

Кукольный Ангел тепло улыбнулся, но лишь на миг. Любой намёк на улыбку почти тут же исчез. За улыбкой же последовала и форма твари: передо мной вновь оказалось многорукое крылатое уродливое создание, не вызывающее, мягко говоря, ровным счётом никаких положительных эмоций.

Чувствуя, что в этом месте не могу даже язык себе прикусить, лениво плюхнулся в песок.

— Ты кое-чего не понимаешь, тварь, — негромко пробормотал я. — Даря счастье, ты сам становишься счастливым. Но со мной это не сработает: моё счастье станет для тебя кошмаром.

Рядом со мной больше никого не было. Я остался на пляже, заполненным счастливыми людьми. Идиллия вокруг меня была настолько умиротворяющей, что меня, хотел я того или нет, начало клонить в сон. Технически, я и так сейчас спал, и мне совсем не хотелось знать, какие последствия меня ждут, если моё сознание окончательно погрузится в дрему.

Намного хуже смерти для такой твари, как я, может быть лишь судьба потерявшего разум овоща. Тогда будет уже неважно, умею я там откатываться или нет. К несчастью для всей этой вселенной и, признаться, меня самого, вообще маловероятно, что моё сознание можно так легко полностью уничтожить. Задержать — безусловно. Уничтожить?

Это уже вопрос к Немое, чье воплощение может очень забеспокоиться, если я исчезну. И вот тогда станет по-настоящему горячо.

— А ведь я их и усыпил, не так ли? — запоздало дошло до меня. — Получается, я ему где-то даже помог?

Сука, как же я ненавижу эти все концептуальные мозголомные силы. Конечно же, когда дело не доходит до меня.

Попытки воплотить пистолет в руке не увенчались успехом. «Универсальная Удочка» и ручка-кисть — в том числе не отзывались. Ни в одной из доступных вариаций. Я определённо знал, что дары со мной — они были буквально продолжением меня — но как-то воспользоваться не получалось. Я оказался в самом сердце ловушки Кукольного Ангела, и был вынужден играть по его правилам.

Или нет.

Я поднялся с песка, чувствуя, как моё тело начало наливаться свинцом. Время было ограничено. Пока у меня ещё были силы противостоять приятной неге, но я понятия не имел, сколько это ещё продлится. Против воли уставился на свою тень.

У меня её не было.

Перевёл взгляд на свои пальцы. Моё сознание автоматически приняло взрослую форму, что, наверное, было плюсом. Пальцы как-то странно расплывались, захотелось зевнуть. Уверен, это будет самый сладкий зевок в моей проклятой жизни.

Чувствуя, что мне жарко, расстегнул белую рубашку с красными пятнышками. Засунул руки в карманы лёгких шорт, поморщившись от яркости солнышка. Мне бы сейчас солнцезащитные очки, но, к сожалению, окружающее пространство мне не принадлежало. Классическая мечта, навязанная кем-то, черти драли Мистера Стивенсона, другим. В океане единственным настоящим весомым ограничением выступает лишь чужая воля. Либо ты навязываешь свои желания, либо навязывают тебе.

Как-то мне больше нравилось навязывать свои желания, а не потакать чужим. Даже не знаю, почему.

Проходя мимо счастливых людей, искал конкретных нужных мне существ. Вокруг каждого человека волны были едва-едва заметнее, будто бы приглашая меня взглянуть на чужую мечту. Всё же, полностью ограничить меня тварь не могла: я чувствовал и видел энергию океана, дышал ей и, по мере развития, существовал ей.

Проще всего было найти Шеди. Он был моей тенью. Я всегда его краем сознания, да чувствовал. Он нашёлся под одним из шезлонгов, прячась от солнца. На самом шезлонге отдыхала какая-то жирная баба. Не уверен, но фунтов четыреста в ней, кажется, было. И как она до театра дошла вообще?! От того ещё более мерзко становилось от её обтягивающего купальника.

Твое личное пространство заканчивается там, где начинается личное пространство другого человека. Можно ли считать, что личное пространство моих глаз было грубо нарушено и я имею право подать на неё в суд?.. Нужно будет это как-нибудь позже обсудить с Чарльзом или профессором. Скорее с профессором.

— В Америке определённо есть проблемы с фастфудом, — пробормотал я брезгливо.

Аж немного проснулся. Благословление и проклятье.

Наклонившись под шезлонг, потянулся к маленькому комочку тени, буквально нырнув в чужую мечту. Солнечный пляж обратился в уже знакомый мне старинный английский городок.

— Значит, и что-то такое от сущности Шеди осталось, — присвистнул я.

Похищенные люди никуда не девались. Они просто «подстроились» под окружающее пространство, начав заниматься другими активностями. Кто-то просто гулял, кто-то, приняв образы детей, резвился на улице, кто-то же — просто отдыхал в своём доме. В любом случае, ничего такого на самом деле сейчас не происходило, каждый находился в своей мечте и то, что я видел перед собой — лишь побочный продукт.

Сомневаюсь, что столь грубо смешанные мечты и желания — действительно то, чего хотели бы похищенные, но кто их спрашивать будет, хотят они счастья или нет? Конечно, хотят!

Дорога не заняла слишком много времени. Шеди нашёлся в компании детей, играясь в классики. Детей совсем не смущало, что с ними играла гуманоидная тень, создававшая помехи в пространстве одним фактом своего существования.

Моя тень выглядела удивительно счастливой и беззаботной.

— Внутренний ребёнок проснулся? — саркастично заметил я. — Обычный мальчишка, которому не нужно ни о чём беспокоиться и чего-то бояться. Жизнь впереди, перед тобой открыты все дороги. Будущее кажется ярким и весёлым. Да, легко могу понять тебя.

Я не сдержался и протяжно зевнул.

Действительно, так сладко я ещё никогда не зевал. Или просто не помню этого.

К несчастью, моя тень полностью проигнорировала меня. К несчастью для тени: за нарушение его мечты я не переживал. Я подошёл к гуманоидному сгустку, с ноги его пнув прямым в место, где у людей находится солнечное сплетение. И пусть моя нога чуть не провалилась сквозь Шеди, она дошла до своего адресата, из-за чего «маленький ребёнок», совсем по-человечески скрючившись, упал.

Окружающий мир задрожал. Дети, с которыми играл скорчившийся сгусток тени, напрочь проигнорировали происходящее, продолжив играть в классики. Я же подошёл к своему дорогому другу и, понимая, что ему ещё нужно немного встряски, принялся избивать его ногами. Кажется, он искренне верил в то, что он человеческий ребёнок, и потому с удовольствием стал жертвой физического насилия.

Жалко, что на мне были обычные тапочки, а не туфли.

Сил, чувствуя, что времени у меня не много, не жалел. Бил от всей души, заодно избавляясь от накопившегося стресса. Как ни странно, экспериментальная методика пробуждения оказалась до смешного эффективной.

— Вижу, ты начинаешь просыпаться, — ласково пробормотал я. — Позволишь себе вновь уснуть — и я вновь тебя избью, на этот раз ещё сильнее. А когда мы выберемся, то вместе наведаемся к Злому Осьминогу. Ты же запомнил его щупальца? Уверен, он будет рад тебя видеть.

Моя тень, лежа под моими ногами, задрожала, начав проваливаться под землю. Окружающий мир искажился в бесчисленных помехах, после чего треснул.

Я вновь оказался на пляже, на этот раз — с тенью. Практически самой обычной.

— Только попробуй уснуть, — повторил я как себе, так и своей тени. — Пойдём, нам нужно ещё достать Пита, Редди и моего дорогого друга Чарльза. Как думаешь, насколько он рад будет меня видеть?.. Уверен, он будет в чистом восторге...

По фальшивому пространству моей навязанной мечты разошлись лёгкие помехи, выражающие определённые сомнения.

А после уже вместе мы будем думать, как выбраться отсюда. Пару идей у меня возникло, но их предварительно нужно обсудить с остальными.

В конце концов, всегда оставался шанс, что я могу вновь потерять над собой контроль и разбудить всех. Пробуждение же целой толпы похищенных зевак, некоторые из которых забили друг друга до смерти, может привлечь внимание чуткого сна моей маленькой голубоглазой немой блондинки. Сон Тёмного Бога должен быть как можно более спокойным и крепким.

Единственное, что меня успокаивало в этой ситуации, единственным проигравшим я уже точно не буду.

Потому что проиграют в любом случае все.

<http://tl.rulate.ru/book/98238/3891929>